

## Эдуард КУЗНЕЦОВ

Родился в 1941 году в Горьком. Окончил химический факультет Горьковского госуниверситета и более 40 лет проработал на Горьковском автомобильном заводе.

Крупнейший в России коллекционер пародии, эпиграммы, шаржа, исследователь сатирических жанров, автор 12 книг по этой тематике и более сотни статей. Лауреат премий имени Горького (2006, 2012) и «Бриллиантовый Дюк» (Одесса, 2013). Живет в Нижнем Новгороде.

## МЕЖДУ БЕСЕДОЙ И ДОПРОСОМ

### Об интервью в пародийном жанре

История этого жанра насчитывает всего полтора века (а в России и того меньше). Именно к периоду его зарождения относится наивное по форме, но верное по существу определение, сформулированное в дореволюционном словаре иностранных слов: интервью – посещение и выспрашивание чем-либо замечательных лиц об интересующих общество вопросах или обстоятельствах какого-либо громкого дела для сообщения сведений газетным читателям.

Современные интервью многообразны, они могут быть выполнены по стандартным канонам, а могут быть чисто импровизационными. Почти в каждом из них можно обнаружить элементы беседы и допроса – всё зависит от такта участников разговора и остроты обсуждаемых вопросов.

Обычно интервью приурочивается к какой-то знаменательной дате, к популярным праздникам. В этом случае оно может охватить сразу нескольких персонажей для выяснения их отношения к данному событию. В журналистике популярен приём выдуманного интервью (не всегда этически безупречный), такого, какое не имело места в действительности, но могло и состояться. Им пользуются, когда реальные персонажи или малодоступны для общения или в их уста предполагают вложить мысли, которые они сами вряд ли бы высказали вслух. Ну и, конечно, если хотят их выдуманные ответы заранее превратить в шутку или пародию. Вот, например, как обыгрывались в пародийном интервью М. Пустынина ответы разных писателей на открытие в 30-е годы кафе при Доме печати. Казалось бы, тема была весьма далека от искусства, но Пустынин вплотную увязал её с литературными проблемами. В. Шкловский по этому поводу сказал вполне определённо:

Кафе без журналистов – это кофе без кофеина.

Кофе без кофеина – вода...

Суррогаты кофе, как и суррогаты литературы, одинаково не удовлетворяют гурмана...

Семена кофе сушатся и подвергаются длительному созреванию. Семена арабийского кофе созревают в течение четырёх лет. Если бы семена литературы созревали так долго, может быть, наши романы были бы значительно лучше...

А вот М. Левидов просто-напросто перечислил писателей, которые не мыслили творчества без кофе, и завершил свой ответ многозначительным пожеланием: «Сегодня журналисты открывают новое кафе. Надо, чтобы завтра кафе открыло новых журналистов».

Пожалуй, главное в любом интервью (кроме повода и предмета беседы) – его участники. От них зависит, как будет раскрыта тема. Конечно, любой корреспондент должен обладать хотя бы минимумом познаний в той области, с которой соприкасается в разговоре. Но тут может случиться перебор, когда спрашивающий, чтобы не ударить лицом в грязь, начинает чересчур активно демонстрировать свою подготовленность. Такого мудрствующего корреспондента вывел в своей миниатюре А. Кюрти:

**Журналист.** Ныне каждому известно, какова природа так называемого стерана, а точнее, циклопентагидростерана. Это соединение открывает новые перспективы в целом ряде разделов современной химии. Да и в производстве витаминов альфа и бета стеран обещает произвести настоящую революцию... Как человек, сыгравший огромную роль в синтезе стерана, вы, очевидно, считаете, что он важен не только в фармакологии, но и в сельском хозяйстве. Это верно?

**Учёный.** Верно.

Подобная ситуация нередка: спрашивающий говорит за двоих, совершенно не интересуясь мнением того, кто должен ответить. Начало диалога о театре Г. Борисова как раз об этом.

**Барановский.** Скажите, коллега, как вы понимаете современность на театре?

**Баранов.** Я...

**Барановский.** Согласен с вами: безусловно это где-то синтез общественно важных проблем и прогрессивных, как говорится, форм их воплощения в условиях, так сказать, сцены... Наш зритель вырос, лобовые решения его где-то перестают устраивать, а вы...

**Баранов.** Я...

**Барановский.** Ну при чём тут Ионеско с его пресловутым «театром абсурда»?..

С точки зрения некоторых интервьюеров, их собеседники только мешают им работать, было бы оптимальным обходиться вовсе без их участия. Однако возможен и обратный ход, когда интервьюируемый забывает спрашивающего (просто не даёт ему рта открыть), пускаясь в глубоко профессиональные рассуждения, малоинтересные простой публике. Н. Богословский нарисовал типичную картинку, когда на вопрос, над чем его собеседник собирается работать в будущем году, композитор Х. Замылкин пустился в описание подробностей сочиняемой поэмы о коммунальной квартире:

**Композитор.** Поэма начинается низкими полутоновыми трелями контрафготов в субконтр-октаве. Трепещущие тремоландо альтов и квинтово-квартовые

ходы засурдиненных виолончелей на струнах «до» и «соль» вводят нас в таинственный мир тёмных коридоров и закутков.

Этот эпизод приводит нас к главной теме произведения, написанной во фригийском ладу, естественно, с неаполитанской секстой. Резкое «фрулато» труб, сфорцандо закрытых валторн – и начинается основной эпизод – кухонная баталия...

Естественно, что интервью берут у людей чем-то примечательных, интересных публике. Но на практике случается, что персонаж «не тянет»: его внутренний мир примитивен, его мнения убоги и нелепы. Вот отрывки из «Интервью по личным вопросам» А. Инина с молоденькой киноартисткой:

**Корреспондент.** Каким вы себе представляете современного героя?

**Элеонора.** Лично я себе представляю современного героя только мужчиной!

**Корреспондент.** Как вам видятся взаимоотношения кино и литературы?

**Элеонора.** Лично я неоднократно читала литературу. Уверяю вас, она ничем не хуже кино! Я, например, свободно читала Пушкина, Некрасова, Юлиана Семёнова, и всё в подлиннике. Лично я не приемлю разговора о конфликте кино и литературы. Ведь известно, каким спросом в библиотеках пользуется литература, созданная по мотивам известных кинолент «Война и мир», «Сага о Форсайтах», «Пигмалион» и другие».

Примитивный персонаж может доставить массу хлопот, но не меньше проблем можно ожидать от беседы с классиком, чьё творчество вызывает объяснимый трепет. Бывает, что корреспондент, пытаясь угодить собеседнику, старается подделаться под его стиль и имидж, что грозит непредсказуемыми последствиями. С непониманием столкнулся журналист во время встречи с М. Зощенко по поводу поездки в колхоз (из пародии Э. Кроткого):

– В колхоз, братишка, собрался? – деловито осведомились мы у популярного юмориста, – один или с симпатичной гражданкой?

– Виноват, – обиженно сказал Зощенко, – что за отвратительный тон? Попрошу вас не «тыкать»... И, наконец, при чём тут эти братишки и дамочки? Не выношу уличных приёмов...

– Так и есть. Вкапались, – ахнули мы и объяснили разгневанному писателю, что воспользовались его фольклором и стилем.

– Чудак-человек, – несколько смягчился писатель, – да разве я таким языком говорю. Я им только пишу...

Зощенко в данном случае оказался не амбициозным, чего не скажешь о П. Вегине, написавшем в одном из стихотворений:

Заграничная разиня

Интервью вела, как бой:

– Вы какой поэт в России?

Я сказал: – Второй!

К подобному интервью можно отнести двояко. С одной стороны, определение Вегиним своего места в поэзии можно посчитать болезненным самомнением и пренебрежением по отношению к остальной пишущей братии, с другой – издёвкой над малокомпетентной

«разиней». В любом случае неприятное ощущение оставляет высокомерие и неуважение к интервьюеру.

Подобные интервью способны породить ироническое отношение не только к их участникам, но и к самому жанру. И сатирики смело используют сарказм в построении шуточных выдуманных интервью даже с самыми знаменитыми персонажами. Стремление показаться во всей красе, остаться в памяти современников ярким пятном обыграно в пародиях 70-х годов Г. Гориным и А. Аркановым. Одна из них посвящена интервью с известным кинорежиссёром, постановщиком грандиозных эпопей:

– Говорят, вы приступаете к съёмкам фильма «Сказки 1001-й ночи» по сценарию Шехерезады? – задали мы свой первый вопрос. – Расскажите, пожалуйста, о своей будущей работе.

– Это будет грандиозная киноэпопея! – сказал режиссёр. – Всего намечается пятнадцать серий. В среднем по 66 ночей в серию. Фильм будет цветной, широкоформатный, стереофонический, противоударный и водоотталкивающий. В массовых съёмках мы хотим занять почти всё взрослое население средней полосы России. О масштабах работы красноречиво говорит тот факт, что, например, для наших батальных сцен необходимо будет весь Уралмашзавод полностью переключить на выпуск ятаганов и секир...

Подавленные величием замысла мы молчали.

– Скажите, а кто играет Али-Бабу? – наконец один из нас произнёс следующий вопрос.

– На роль Али-Бабы пока нет исполнителя, – ответил режиссёр. – Зато есть сорок разбойников...

Другая пародия посвящена интервью с известным юмористом, стремящимся блеснуть остроумием:

Мы уже заранее улыбались, входя в квартиру одного из наших популярнейших юмористов.

– Здорово, ребята! – радостно приветствовал он нас. – Как говорится, на вдовца и зверь бежит!

– Неужели ваша супруга скончалась? – испугались мы.

– Да нет, к слову пришлось! Минутки не могу без шутки! Ради красного слова не жалею мать-отца!.. Ну ладно, вот вам табуретки, вот вам сигаретки!..

Посмеявшись, мы сели.

– Скажите, над чем вы сейчас работаете? – задали мы первый вопрос.

– Да, слава богу, надо всем понемногу! Готовлю фигу в новую книгу! Но это всё цветочки – ягодицы впереди...

Мы захохотали и задали второй вопрос.

– Что бы вы хотели пожелать читателям в новом году?

– Хорошим людям – счастья на блюде! Каждому мужчине по любимой женщине! А дуракам да бюрократам – по голове домкратом!

От смеха мы свалились с лестницы.

Как показывает практика, большинство интервью касается людей творческих профессий – писателей, музыкантов, артистов, художников, учёных. Главные вопросы к ним почти всегда одни и те же: чем заняты, каковы планы, что думают о том и этом... Что скрывать, не всегда интервью получаются познавательными и глубокими. Зачастую они выливаются в пустопорожние разговоры о мало кому интересных

вопросах, как это представлено В. Лифшицем в диалоге критика и прозаика. С умным видом они рассуждают якобы о творчестве:

**Прозаик.** На вопрос – где и когда писать, я бы ответил так: везде и всегда. А вы как думаете, Никодим Сергеевич?

**Критик.** Полностью разделяю вашу точку зрения, Игорь Васильевич. Но с небольшим уточнением: всегда и везде.

**Прозаик.** Возможно, вы и правы. Однако я знал писателей, считавших, что писать надо не везде и не всегда. И даже таких, которые полагали, что писать надо везде, но не всегда.

**Критик.** А мне известны пишущие всегда, но не везде.

Тема творчества наиболее часто возникает в беседах с писателями, и тут иной раз неожиданно приоткрываются секреты «творческих лабораторий», о которых, пожалуй, лучше бы было умолчать. Вот как в миниатюре А. Флита один из романистов высказался о своей работе:

– Что я пишу? Э... как бы вам сказать,  
Иду назад я сквозь века и бури.  
Меня интересует... Рюрик,  
Ведь он для нас закрытая тетрадь!..  
– А вы б сегодняшнюю тему взяли!  
– А риск какой? Попробуй, напиши!  
Хотя эпоха красками волнует, –  
Живые люди, мысли и слова, –  
Ответственность за тему какова?!  
А тут прикроешься романом –  
И не дует...

Не только у конъюнктурщиков проблема современности выходит на передний план. Читателей интересует сегодняшний день, решение насущных вопросов, отношение к животрепещущим задачам. Не всегда эти запросы находят адекватный отклик у литераторов: часто они пишут о современности «по касательной», холодным пером, как это отметил А. Флит:

– Строчу о том, о чём строчат другие:  
Поэмки тёплые, недорогие,  
И декламирую о том, о сём.  
– А в сущности?  
– А в сущности могу я обо всём...  
– Где ж ваша тема, кровь, заветная идея?  
– Какая кровь? Ах, что за ахинея!  
Бескровно воспою эпохи нашей гром,  
Пишу, как многие, – читателя не грея, –  
Автоматическим пером.

В 1920–1930-е годы получили большую популярность так называемые «анкеты»: выдуманные сатириками ответы известных писателей на острые вопросы современности. Задавалась какая-то находящаяся на слуху тема, и по её поводу якобы высказывали разные мнения разные писатели. (В начале статьи уже упоминались отзывы литераторов на открытие кафе при Доме журналистов.) Не всегда центральной темой анкет становился бытовой вопрос, нередко привлекали

внимание проблемы более важные – от творческих до политических. В то время неравнодушно встречались многие начинания в общественной жизни страны, в литературе и искусстве. Разгорались острые дискуссии, споры. Создавались творческие группы, объединявшие писателей в отношении к революции, в понимании задач литературы. Каждый из сторонников этих объединений не только отстаивал свои каноны и принципы, но и активно критиковал оппонентов. Так появлялись пародии-интервью, пародии-анкеты, в которых в концентрированном виде представлялись позиции противоборствующих литераторов.

А. Архангельский в 1929 году в журнале «На литературном посту» попытался представить взгляды некоторых писателей на инициативу РАПП, призывавшую ударников производства в литературу. Д. Алтаузен и И. Уткин горячо приветствовали это начинание, В. Инбер и Вс. Мейерхольд уклонились от категорической оценки, но были и противники:

Призыв ударников?  
Очередная мода?  
Ну что же!  
Конкурентам от станка,  
Декретным литераторам завода  
Нас не догнать –  
Кишка у них тонка!

Нам –  
Классикам –  
Не свойственно волнение,  
И не опасен  
Красный молодняк.  
С усмешкою глядим  
На это поколение.

Писатели –  
Замятин и Пильняк.

В 1923 году в журнале «Красный перец» появилась подборка «Что думают друзья и враги о ЛЕФе». От имени критиков, поэтов и представителей общественности их ответы озвучил Арго. Вопрос задавался один: что такое ЛЕФ – есть ли это искусство или блеф? Ответы были разные, но один из них касался глубинных убеждений известной поэтессы:

Слава тебе, неисходная боль,  
Мне наступили вчера на мозоль –  
Кто-то статью обо мне написал  
И пролетарским поэтом назвал.  
Этак на радость любому врагу  
Я докатиться до ЛЕФа смогу, –  
А оскорбления большего нет.

Анна Ахматова, дама-поэт.

Анкеты практиковались и в последующие годы. Практически все цикловые пародии можно рассматривать как некие варианты интервью: ведь в них помимо воспроизведения индивидуальных почерков участников представлялись и варианты их ответов на общий вопрос. Напри-

мер, в пародийном цикле Л. Филатова «Таганка-75» о популярном в то время театре высказывались не менее популярные поэты. Б. Ахмадулина говорила о волнующем впечатлении от спектакля, А. Вознесенский – о невозможности приобретения билетов, о фантастическом наплыве театралов, Р. Рождественский возмущался, что в суете и многолюдии его – известного поэта – не опознали кассиры, Е. Евтушенко, как всегда, не забыл упомянуть и о своей популярности.

Технология интервью особенных секретов не содержит, чего проще: на вопрос следует ответ. Но даже эта внешняя простота порождает разные вариации – от совсем примитивных до заумных. Сколько раз приходилось слышать безликие интервью с заранее знакомыми вопросами и заранее предвиденными ответами! Об этом – в юмореске Л. Лайнера о диалоге журналистки (далеко не акулы пера) и киноартистки (далеко не звезды):

**Киноартистка.** Сейчас начнёте задавать трафаретные вопросы, и первый же, конечно, будет: «Как вы пришли в кино?»

**Журналистка.** Дело не в трафаретных вопросах, а в трафаретных ответах. Вы обязательно ответите или: «Я с детства бредила кино» или: «В кино я попала случайно». Как будто без бреда и случайностей невозможно обойтись.

В подобном стиле продолжался весь разговор. Трудно сказать, какое интервью из этой беседы получится, но нередки случаи, когда разговор происходит по одному сценарию, а опубликованное интервью преподносится по другому. В рассказе К. Чапека «Интервью» корреспондент газеты, поверхностно интересуясь событиями жизни музыканта, вовсе не собирается воссоздавать его истинный образ. В опубликованном материале он сознательно перевирает все факты, сообщённые ему в беседе, чем вызывает гневное возмущение музыканта. Редактор, которому были высказаны претензии, удивился: «Мы пишем для газеты! Нам же необходимо преподнести факты увлекательно! Не понимаю, чем вы недовольны...»

При всей абсурдности описанной ситуации в ней есть немалая реалистическая подоплёка. Не каждое интервью бывает взлётом творческого озарения двух лиц, сплошь и рядом приходится быть свидетелем тягостных и однообразных вопросов и шаблонных и скучных ответов. Ничего нет удивительного, что для подобных интервью вовсе не требуется встреч и бесед, весь репортаж можно выдумать, не выходя из редакции.

Во избежание неожиданных сбоев и проколов интервьюеры зачастую разрабатывают своеобразные сценарии предстоящих встреч и снабжают ими героев интервью. Знакомая, не раз встречающаяся картина описана А. Аркановым и Г. Гориним в телеинтервью с птичницей и технологом артели «Красная пуговица».

**Телекомментатор.** Скажите, как вам удалось получить по двенадцать цыплят от одной курицы-несушки?

**Сергеева.** Ну, если говорить...

**Телекомментатор.** Тсс!.. (подсовывает ей текст).

**Сергеева** (читает). Я долго боролась за увеличение процента яйценоскости, но процент яйценоскости зависит от процента яйцекладкости. А яйцекладкость, в свою очередь, зависит от насиживаемости, а насиживаемость зависит от высиживаемости...



**Телекомментатор.** А вот главный технолог артели «Красная пуговица» Николай Петрович Ширяев... Расскажите о вашей повседневной работе над пуговицами.

**Сергеева.** Дело в том...

**Телекомментатор.** Тсс!.. (Подсовывает бумажку).

**Сергеева** (читает). Наша основная задача – замедлить одеваемость в зимний период и ускорить раздеваемость в летний период... А это, в свою очередь, зависит от расстёгиваемости-застёгиваемости, что обусловлено пришиваемостью-отрываемостью...

В миниатюре описан один из вариантов популярных телевизионных интервью, когда репортёр просто-напросто блокирует разговорную речь, заменяя её бюрократическими канцеляризмами.

Нельзя не упомянуть об интервью, выдуманных преднамеренно и неспособных состояться ни при каких условиях. Это касается персонажей, уже покинувших этот мир. Они не могут ответить ни на один вопрос, но юмористы нещадно эксплуатируют их популярность, заставляя высказываться о чём угодно, начиная с проблем бытового обслуживания и заканчивая вопросами творчества. Мнение русских классиков о работе современных литераторов «передал» Б. Юдин. По поводу баснописцев отвечал И. Крылов:

Я и Хераскова, и Дмитриева знал...

А этого вот как-то не заметил.

Теперь прочёл. Ну что ж,

не против я.

Пусть пишет... Бог ему судья!

О сверхоперативном рифмаче высказался Н. Некрасов:

Муза влечёт его неодолимая...

Что же тут сетовать? Чья тут вина?

Вынесла много Отчизна родимая,

Вынесет, верю, и это она.

Покритиковали модных стихотворцев и Пушкин с Лермонтовым.

Однако не только ушедшие классики привлекают внимание интервьюеров. Они не дают покоя и бывшим политическим деятелям. Г. Териков создал цикл предполагаемых интервью, в котором задался целью предугадать возможные разговоры руководителей бывшего Советского Союза с известными актёрами, режиссёрами и поэтами. Вот отрывок из беседы В.И. Ленина с Марком Захаровым:

**Ленин.** Ну-с, рассказывайте, что у вас в театре?

**Захаров.** Идёт пьеса «Мудрец».

**Ленин.** Спасибо, что меня не забываете. Что ещё?

**Захаров.** Собираемся ставить «Живой труп».

**Ленин.** Что это вы, батенька, всё обо мне да обо мне. Кстати, это правда, что вы сожгли свой партбилет?

**Захаров.** Правда, аж искры посыпались!

**Ленин.** Превосходно! Увидите, из искры обязательно возгорится пламя!..

Не удовлетворившись реальными, хотя и ушедшими авторитетами, интервьюеры стали обращаться к выдуманным персонажам – героям



литературных произведений. Л. Лазарев, С. Рассадин и Б. Сарнов взяли оперативное интервью у прибывших в Москву господина Гамлета, Йозефа Швейка и статуи Командора. Всего два коротких фрагмента:

Известный литературный и общественный деятель Дании взволнованно говорит нам о том, как трудно художнику на его родине. «Дания – тюрьма!» – с болью и возмущением восклицает наш большой друг...

В заключение мы просим господина Гамлета поделиться соображениями о литературном мастерстве. «Главное – это работа над языком, – подчёркивает он. – Слова, слова и ещё раз слова...»

Продолжая инициативу проведения встреч с литературными героями, В. Кашаев «организовал» интервью дотошного корреспондента с работницей птицефабрики № 2 курицей Рябой. Она покритиковала золотые яйца за отсутствие прочности («Крепости в ём нет настоящей. Любая мышь разбить может») и высказалась в пользу яиц диетических.

К совсем уж экзотическим интервью можно отнести разговор иностранных собеседников, не понимающих языка друг друга. А. Арканов и Г. Горин описали диалог московских корреспондентов с зарубежными гастролёрами:

И поскольку мы не знали испанского, а наши гости – русского, пришлось вести беседу с помощью пальцев.

– Нравится ли вам наша Москва? – показали мы им на пальцах.

– Прекрасный город! Особенно восхитительно метро! – показали они нам.

«Разговор» был довольно долгий и закончился так: «На прощание мы показали друг другу всё, что полагается в таких случаях, и тепло разошлись».

«Тепло разошлись» – это важный финал любого интервью. Значит, беседа прошла на должном уровне, собеседники разошлись без обиды и смогли с достаточной полнотой раскрыть поднимаемые в интервью вопросы. А значит, и читатель, слушатель, зритель в накладе не остались.

Впрочем, современность по-разному может находить отражение в сознании и творчестве писателей. Много писавший в 1920-е годы о семье и браке П. Романов (за что обвинялся в бытовизме и натурализме) удостоился своеобразного интервью Э. Кроткого, намекавшего на интерес писателя к «клубничке». (Это поветрие вполне было в духе времени: свободная любовь, «теория стакана воды», сведение отношений между мужчиной и женщиной к сексуальной потребности.)

– Как вы трактуете проблему?

– Проблему беспартийности?

– Нет, вопрос...

– Половой?

– Да нет же, вопрос индустриализации деревни. С какой точки зрения смотрите?

– Понятно, с сексуальной...

Трудно было сбить с толку писателя, упорно смотрящего в одну сторону.